
Потому что Господь – художник,
и он хотел
рисовать этот мир
пастелью, но лучше – маслом.
Первозданная радость – жадно смешивать краски,
замирать перед белой вечностью на холсте.
Ещё миг – и лавина,
ветер, – всё, что внутри, –
станет робким мазком,
неловким наброском тверди...
Рисовать, рисковать,
восставать против косной смерти,
сквозь открытое сердце ликующей космос лить...

Старая пластинка

Тронуть иглой
пластинки гибкую плоскость.
Голос живой
в зазубринках и бороздках.
Старый конверт,
кажется, тот же самый...
Выключен свет.
Папа танцует с мамой.
Мир молодой.
(Всё, что отнято – свято!)
Год-то какой?
Верно, восьмидесятый.
Редкий снежок.
В тихом театре тени.
Точно ожог –
тайна прикосновенья.
В чёрном кругу
блики, хвоинки, льдинки...
Я не могу
остановить пластинку.

Века прошедшего горестный груз
пеплом – в трубу.
Мы променяли Советский Союз
на «бубль-гум».
Джинсы «Монтана», дымок конопли,
глянцевый морок свобод.
Кушать хотелось, и мы не пошли
на эшафот.
Кто-то глумился, а кто-то бухал,
кто-то рыдал...
Сцена немая. Открытый финал.
Волагда бал.
Звёзды сменили на тощих орлов
в мире братков и лошков.
Быстро бабло одолело добро.
Без дураков.
Но сквозь столетья шальной ураган,
боль и балласт –
Павка Корчагин, сжимая наган,
смотрит на нас.

Сумерки

Сумерки. Лес.
Чёрные крылья ёлок.
Медленный блеск,
неба жемчужный полог.

Матовый снег.
Воздух стеклянно-сизый.
Контуров нет,
словно снимаешь линзы.

Белая шаль –
воздух – покой и пламя.
Плачет душа
между двумя мирами.

Красота и безмолвие – классика нашей зимы.
Мир безмерно суров, только нет безнадёги и грусти.
Молодильным весёлым огнём причащаемся мы,
словно древние русы.
Пусть ярится январь, обжигая стальным ветерком.
Выходя на мороз, даже хочется выкрикнуть: «Любо!»
Словно Пушкин, проказник, целует беспечным стихом
чьи-то юные губы.
В белой комнате – сумерки.
Штору чуть-чуть приоткрой:
на стекле и на сердце узор удивительный выткан,
там взрывает бразды и летит по степи снеговой
удалая кибитка.

Замерзают и сопли, и слёзы.
Не согнуться уже, не вздохнуть.
Привыкай выживать на морозе
как-нибудь.
Рукавицы – почти из металла.
На ресницах висят кружева.
И не больно, и ты не устала,
и – жива.
Лучше лес, лучше белое поле,
Чем людское безмерное зло.
– Красна девица, любо? Тепло ли?
– Ой, тепло!

Преимущества возраста

Преимущества возраста:
резко не возражать,
не спешить, не бежать,
лежать поутру с котом.
Ты сама себе – служанка и госпожа,
Белоснежка и самый ворчливый гном.
Преимущества возраста:
не краситься, не краснеть,
не корячиться там,
где можно пройти в обход,
словно перчатку,
швырять ледяное «нет»,
танцевать, забывая ДР и год,
понимать, что слово –
верно, не воробей,
слово – ястреб,
смертелен его удар,
и не думать о том,
что думают о тебе
нормальные, трезвые
дамы и господа.
Ты сама выбираешь, как можно сходить с ума.
Сердце – словно течение большой реки.
Преимущество возраста,
призрачное веселье:
берега твои прекрасны и высоки.

Год рождения моих родителей – сорок первый.
Это больше, чем дата, – взрыв. Это – века сверх –
чем-то огромным, жёстким, невероятным
сразу накрыло всех.

Маленький мальчик в валенках и тельняшке.
Эшелон на Урал хрипит и стонет, набит битком.
Мальчик не говорит, но ему так страшно,
когда мама на станции выбегает за кипятком.

Дом полутёмный, холодный, чужой до дрожи.
Мама и бабушка в колхозном коровнике дотемна.
Девочка ничего не помнит, но до сих пор не может
в деревенском доме заночевать одна.

С молоком материнским – похожим почти на воду,
с хлебом (вкус его никогда не представить нам),
с каждой клеточкой, над генетическим кодом,
глубже, чем память, – входила в сердца война.

И пускай потом всё сложилось – на удивление:
звёзды, зори, песни, весенний лес...
Гвозди – четыре цифры даты рождения –
вбиты навек в невидимый чёрный крест.

Русский рок

Это больше, чем музыка. Это – рок.
Злая пыль, да камни лихих дорог,
буйный посвист дерзкого Соловья,
ветер северный, мать сыра земля.
Лесотундра, сполохи да снега,
прокурор – медведь, а закон – тайга.
Океан великий молчит, угрюм.
Рвётся в небо огненный Аввакум.
Остро нож наточен, взведён курок...
Это наша музыка, это – рок,
это люлька, выпавшая из рук,
Запорожья Сечь да казачий круг.
А на дыбе – Стенька с разбитым ртом,
и Сенатская площадь, и Белый дом,
это – выстрел «Авроры»,
кронштадтский лёд,
и – Высоцкий хрипом аорту рвёт.
И горят леса, и горит рейхстаг...
Что же, Господи, всё у нас не так?
Никогда никто разрубить не мог
этот горький узел, наш чёрный рок.
Всё не как у людей, да не по уму.
...Но с улыбкой Гагарин глядит во тьму.
Тишины касаясь прохладным лбом,
«спит земля в сиянии голубом».
И до Божьей воли – совсем чуть-чуть,
а ромашки в поле – как Млечный путь...